

TO THE QUESTION ABOUT THE DEVELOPMENT OF DISTANCE LEARNING
SYSTEM IN THE RUSSIA

© 2014

M.V. Borovitskaya, candidate of economical science, associate professor of the chair
«Accounting, analysis and audit»

N.A. Yarygina, candidate of economical science, associate professor of the chair «Accounting and Audit»
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Annotation: Information and communication technologies have reached the highest level of development today, and it allows us to create a powerful system of distance education - an open information environment that enables you to disseminate knowledge and all sorts of information freely and without dependency on national characteristics and boundaries. Development and dissemination of distance education system gives opportunity to improve Russian education system competitiveness, to ensure broad access to education, to raise our planet inhabitants' cultural and educational level by promoting Russian education outside the country. The article deals with current issues of distance learning system implementation and development in Russia. The distance learning advantages over traditional form are also viewed in the issue. The distance education role, its increase in the availability and openness, improving graduates quality, educational institution image and ranking growth in the education market, the empowerment of citizens in obtaining continuing education throughout life, educational services quality improving by providing access to information resources, creating conditions and opportunities to improve training, retraining and advanced training of citizens are pointed out in the article. The problems of centralization of distance education system management in Russia and the system interaction processes with country's separate universities, implementing undergraduate and graduate programmes through distance learning are touched on the issue. A new education information service, coordination of distance learning traditional forms at the national level, coordination of Russian and international programmes in the field of distance education, control over the creation and functioning of the distance education system are required.

Keywords: distance learning, electronic learning resources, information educational environment, the traditional form of education, centralized management of distance learning.

УДК 159.923.2

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЖЕНЩИНЕ ДЕВУШЕК 19-22 ЛЕТ РАЗЛИЧНОЙ
НАЦИОНАЛЬНОСТИ — РУССКИХ И ТАТАРОК

© 2014

Е.А. Брагина, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология»
И.А. Семенова, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психология»

Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновск (Россия)

Аннотация: Проведен анализ оценочного, содержательного и аффективного компонентов представлений о женщине-матери и деловой женщине в сопоставлении с представлением о себе девушек юношеского возраста, русских и татарок, с различным уровнем образования.

Ключевые слова: представления о женщине-матери; представления о деловой женщине; содержательный, оценочный, аффективный компоненты; девушки юношеского возраста; национальные различия; уровень образования.

В современной России, с одной стороны, ведется активная пропаганда и поддержка материнства на государственном уровне, а с другой – социально-экономические условия предлагают девушке широкие возможности для самореализации в профессиональной сфере, предъявляя при этом довольно жесткие требования к ее конкурентоспособности. Это не может не вызывать изменений женской идентичности как итогового выражения процессов формирования самосознания, развивая в девушке социальную активность, независимость, стремление к самоутверждению. Ю.Е. Алешина и А.С. Волович констатируют разнообразие представлений о подлинно женских качествах, открывающее большие возможности для формирования женской полоролевой идентичности [1]. Авторы пишут, что девушки с юных лет усваивают необходимость совмещать женскую, материнскую роль с профессиональной, однако вопрос об иерархии этих ролей остается открытым [там же; с.74]. Заметим, что еще в 1967 году Э. Эриксон призывал к исследованию женской идентичности как самостоятельного объекта, считая, что функциональная уникальность женщины не должна рассматриваться изолированно от иных аспектов человеческого существования [2; с.293]. Последователи Эриксона делают вывод о существовании разных вариантов формирования женской идентичности, связывая их с решением женщиной вопроса о том, когда будет реализована ее репродуктивная способность [3].

Современные исследователи склоняются к признанию преимущественной социокультурной детерминации гендерных стереотипов, в значительной сте-

пени определяющих гендерную социализацию [1,4,5]. Показано, в частности, что в мусульманских семьях весьма влиятельны традиционные представления о женщине, рассматривающие материнство как единственное предназначение женщины, позволяющее ей занять достойное место в обществе и определяющее ее самоуважение. И в настоящее время у восточных народов, как отмечает С. Касымова, «успешность материнства извиняет и безуспешность во внесемейной сфере, и отсутствие профессионального статуса. Напротив, успешная карьера не оправдывает, не компенсирует и не легитимизирует не-материнство» [6; с.77].

В собственном исследовании мы исходим из того, что идентичность девушки проявляется, среди прочего, в привлекательности для неё материнской и/или профессиональной сфер самореализации, и для девушек из семей мусульманского вероисповедания, татарских, в частности, материнство в силу особенностей традиционного национального воспитания является более приоритетной сферой. В свою очередь, указанные приоритеты могут быть обнаружены в национально обусловленных особенностях оценочного, содержательного и аффективного компонентов представлений о женщине-матери и деловой женщине, соотнесенных с представлением девушек о себе. Отметим, что в научной литературе исследования представлений о женщине сосредоточены преимущественно на гендерных стереотипах, гендерных ролях и установках [напр., 1,4,5], а также на изучении представлений девушек о материнстве и семейной жизни [напр.7,8,9]. Кросскультурное исследование представлений о женском поведении осуществлено О.В.

Митиной и В.Ф. Петренко с привлечением российских и американских женщин [10], однако вопрос о национальной обусловленности этих представлений остается практически неизученным.

Фокус нашего исследования на девушках юношеского возраста определен тем, что, согласно современным концепциям формирования идентичности, юношеский возраст имеет центральное значение в становлении идентичности и в жизненном самоопределении. Именно в юношеском возрасте складывается индивидуальная система приоритетов как основа личностных выборов и выстраивания жизненной перспективы девушки, в том числе с учетом того, когда будет реализована ее репродуктивная способность.

В исследовании приняли участие студентки-старшекурсницы вуза и работающие девушки, не имеющие высшего образования, русские и татарки 19–22 лет. Это две группы работающих девушек (группы РР и РТ, 20 и 14 человек), и две группы девушек 4–5 курсов педагогического университета: группа ФТ, 14 человек, отделение татарского языка и литературы филологического факультета, и группа ЮР, 22 студентки юридического факультета. Выбор группы ФТ обусловлен не только национальной принадлежностью, но и тем, что эти девушки связали свою будущую профессию с национальной культурой, что, по нашему мнению, свидетельствует о высокой степени их национальной самоидентификации. Все девушки в период своего участия в исследовании не состояли в браке и не имели детей. В группу работающих девушек-татарок мы приглашали тех, кто владеет татарским языком и ранее жил в небольших поселках с преимущественно татарским населением.

В качестве исследовательских методик использовались:

1. Список определений (85 униполярных признаков), составленный на основе модифицированной процедуры РЕП-теста Дж. Келли. Девушкам предлагалось заполнить матрицу способом «галочек и пробелов». В строках задавались признаки-определения, в столбцах – объекты. Объектами были определены: «Я», «Деловая женщина», «Счастливая женщина», «Женщина-мать», «Успешная женщина». В инструкции предлагалось представить конкретную женщину, которую можно назвать «деловой» (или, соответственно, «настоящей женщиной-матерью» и т.д.), и отметить определения, её характеризующие.

Затем для каждой девушки определялись коэффициенты корреляции между характеристиками всех объектов. В предлагаемом анализе мы опираемся на следующие коэффициенты корреляции, которые рассматриваем как показатели: 1) оценки женщины-матери как счастливой (М/Сч), 2) оценки женщины-матери как успешной (М/Ус) 3) оценки деловой женщины как счастливой (Д/Сч), 4) оценки деловой женщины как успешной (Д/Ус), 5) сходства представления о себе и о женщине-матери (Я/М), 6) сходства представления о себе и о деловой женщине (Я/Д), 7) представления о себе как счастливой (Я/Сч).

Мы считаем, что показатели Я/Сч, Я/Д и Я/М можно рассматривать как показатели степени идентификации девушки с образом счастливой женщины, деловой женщины и женщины-матери. Кроме того, нами были получены групповые «портреты» женщины-матери и деловой женщины, что позволило выявить содержательный компонент соответствующих представлений о женщине наряду с оценкой их «счастливости» и успешности.

2. Модифицированный вариант методики Косвенного Измерения Системы Самооценок (КИСС). Девушкам предлагалось разложить карточки со схематическим изображением лица в порядке предпочтения по параметрам: мне нравится, похоже на хорошую мать, похоже на деловую женщину, похоже на меня. Далее подсчитывались коэффициенты корреляции раскладок: Я/хорошая мать (оценка себя как будущей матери) и хорошая мать/

нравится (привлекательность образа хорошей матери). Аналогично обрабатывались данные по раскладке «похоже на деловую женщину». Эта методика направлена на исследование, прежде всего, аффективного компонента изучаемых представлений.

Различия показателей анализировались на основе применения U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок, T-критерия Вилкоксона для связанных выборок, а связь между показателями определялась с помощью коэффициента корреляции Спирмена.

3. Кроме этого, мы предлагали девушкам заполнить небольшую анкету с вопросами об их жизненных планах и желаниях. В настоящей статье на результаты анкеты мы ссылаемся, но подробно не анализируем.

Анализ средних значений показателей первой методики (табл.1) и результатов их статистической обработки позволяет отметить, что девушки всех групп, кроме группы ЮР, считают, что женщина-мать счастливее, чем деловая женщина. Девушки группы ФТ считают женщину-мать и более счастливой и не менее успешной по сравнению с деловой женщиной. Женщина-мать в их оценке столь же успешна, сколь и счастлива. Деловая женщина для большинства девушек более успешна, чем счастлива. Исключение составляют девушки группы ЮР: для них деловая женщина и более успешна и не менее счастлива, чем женщина-мать, и может быть одновременно и успешной, и счастливой.

Таблица 1 – Средние значения показателей в исследуемых группах

Группы	Показатели							
	М/Сч	М/Ус	Д/Сч	Д/Ус	Я/М	Я/Д	Я/Сч	Я/Ус
ЮР	0,519	0,297	0,608	0,659	0,382	0,452	0,405	0,367
ФТ	0,706	0,679	0,378	0,645	0,377	0,287	0,313	0,293
РР	0,344	0,220	0,136	0,467	0,178	0,394	0,112	0,036
РТ	0,327	0,171	0,123	0,436	0,199	0,235	0,177	0,034

Иными словами, девушки всех групп, кроме группы ФТ, рассматривают женщину-мать как счастливую, но не слишком успешную. Студентки-татарки считают женщину-мать и более счастливой, и не менее успешной по сравнению с деловой женщиной. Таким образом, русские девушки всех групп и работающие девушки-татарки связывают успех, прежде всего, с профессиональной самореализацией женщины, что наиболее отчетливо проявилось в группе ЮР, а счастье – с материнством. В целом представление о женщине-матери как счастливой согласуется с результатами исследования Е.Х. Валеевой. Однако и в ее исследовании выделяется группа девушек, связывающих счастье с хорошей работой, активной жизнью и профессиональной самореализацией [7].

Сравнение данных групп девушек, различающихся по национальности и уровню образования, на основе U-критерия Манна-Уитни позволило уточнить отмеченные факты (табл.2). Существенные различия выявлены по показателям М/Ус (девушки-татарки выше оценивают успешность женщины-матери по сравнению с русскими девушками), Д/Сч (русские девушки в большей степени склонны считать деловую женщину счастливой) и Я/Д (русские девушки в большей степени идентифицируют себя с образом деловой женщины). При сравнении групп студенток значимое различие выявлено, кроме того, по показателю оценки женщины-матери как счастливой.

Иная ситуация наблюдается при сравнении объединенных групп девушек – студенток и работающих. Различия здесь установлены по всем показателям, за исключением показателя Я/Д: студентки обеих национальностей выше оценивают и женщину-мать, и деловую женщину как счастливую и успешную, и в большей степени идентифицируют себя с образом женщины-матери. Интересен зафиксированный в исследовании факт связи показателя Я/М с показателем Я/Сч: чем в большей степени девушка считает себя счастливой, тем выше степень ее идентификации с образом женщины-матери (значения коэффициентов корреляции Спирмена для показателей Я/М и Я/Сч – 0,581, 0,670, 0,592 и 0,658

в группах ЮР, ФТ, РР и РТ, соответственно, $p \leq 0,01$). Статистически значимые различия показателей Я/М и Я/Д установлены только в группе РР, в которой показатель идентификации с образом женщины-матери оказался существенно ниже, чем показатель идентификации с образом деловой женщины (впрочем, также достаточно низким – 0, 394).

Таблица 2 – Значения U-критерия для изучаемых показателей

Сравниваемые группы	Сравниваемые показатели					
	М/Сч	М/Ус	Д/Сч	Д/Ус	Я/М	Я/Д
Работающие русские девушки / работающие татарки	183,5	116,5	170,5	164,0	205,0	91,5*
Русские девушки / девушки-татарки	483,0	391,5*	433,0*	516,0	694,0	378,5**
Студентки русские / студентки-татарки	79,0**	62,0**	67,5**	221,5	211,5	83,0*
Студентки / работающие девушки	409,0**	398,0**	403,0**	412,0**	436,5*	586,5
Студентки русские / работающие русские девушки	121,0**	203,0	126,0**	118,5**	123,5**	188,0
Студентки-татарки / работающие татарки	39,0**	33,0**	37,5**	46,0**	51,0*	87,0

** - $p \leq 0,01$; * - $p \leq 0,05$

Качественный анализ обнаруживает отчетливое инвариантное ядро представлений о женщине-матери во всех группах. 80% всех девушек выделили такие качества женщины-матери: есть семья, любит детей, счастливая, умеет любить, надежная, теплая, чуткая, терпеливая, ответственная. Одновременно мы выделили те характеристики женщины-матери, которые хотя бы в одной группе отметили не менее 50% девушек. В результате в обобщенный список вошло 38 определений. Корреляционный анализ зафиксировал значимые коэффициенты корреляции Спирмена между списками выделенных качеств женщины-матери в группах РР и РТ (0,555), ФТ и ЮР (0,499), что подтверждается значениями U-критерия: 558,0 для ФТ и РТ, $p \leq 0,05$ и 496,5 для ЮР и РР, $p \leq 0,01$. Качественный анализ позволил выявить характеристики, получившие наибольшие значения разности рангов в группах студенток и работающих девушек. Таковыми оказались: обеспечена, социально ориентирована, удовлетворена жизнью, образованная, не надеется только на себя, самореализованная. Эти характеристики имеют более высокий ранг в группах ФТ и ЮР. (Однако, если признак «самореализованная» отметили 65% девушек группы ФТ, то в группе ЮР – только 25%). Различия содержательного компонента представлений о женщине-матери оказались связанными, таким образом, более всего с социально-экономическими характеристиками. В поисках объяснения мы вновь обратились к показателю М/СЧ, значения которого существенно различаются в группах студенток и работающих девушек. Детство девушек, принявших участие в нашем исследовании, совпало с глубокими и для многих болезненными преобразованиями в стране в 90-х годах XX века. Мы полагаем, что полученный результат связан, прежде всего, с тем, как родительская семья девушки и ближайшее окружение справлялись со сложной жизненной ситуацией (инструкция предлагала вспомнить конкретную настоящую женщину-мать), что и нашло отражение в содержательных особенностях соответствующего представления.

В образе деловой женщины девушки всех групп выделили такие качества, как: умная, уверенная, образованная, целеустремленная, богатая, самореализованная, умеет планировать жизнь, организованная, серьезная, обидчивая и независимая. Низкие ранги во всех группах отмечаются у таких качеств, как: вызывает доверие (ранг 33) и надежная (35,5). Признак «есть семья» вошел в обобщенный список с рангом 29, однако в списке группы ЮР у него значительно более высокий ранг: 18,5. Существенные различия выявлены только между списками характеристик деловой женщины группы

ЮР и остальных групп. Качественный анализ показал, что различия эти связаны с такими характеристиками, как: полноценная, есть семья, обаятельная, интересная, привлекательная, женственная, – которые с более высокими рангами вошли в список русских студенток. В остальных группах «портрет» деловой женщины более «холодный», с более высокими рангами появляются такие характеристики, как авторитарная, расчетливая и эгоистичная. В группах ЮР и ФТ зафиксированы самые высокие коэффициенты корреляции между списками характеристик женщины-матери и деловой женщины: 0,48 и 0,383. Иными словами, для девушек этих групп нет сколько-нибудь серьезных различий в качествах женщины-матери и деловой женщины и, значит, субъективно нет препятствий для совмещения этих ролей, что подтверждается и уже отмеченным отсутствием значимых различий между показателями Я/М и Я/Д.

Результаты методики КИСС подтверждают наше предположение о большей привлекательности образа женщины-матери для девушек-татарок (табл.3). В свою очередь, образ деловой женщины более привлекателен для русских девушек. Если русские девушки выше оценивают себя как деловую женщину, то девушки-татарки в большей степени — как мать, что наиболее ярко проявилось в группе ФТ (табл.3).

Таблица 3 – Средние значения показателей методики КИСС

Группы	Показатели			
	Привлекательность образа матери	Привлекательность образа деловой женщины	Я как мать	Я как деловая женщина
ЮР	0,306	0,489	0,201	0,524
РР	0,316	0,378	0,274	0,336
ФТ	0,456	0,315	0,609	0,414
РТ	0,488	0,284	0,382	0,243

Анализ показателей идентификации девушек, русских и татарок, с образом женщины-матери в двух методиках обнаруживает: результаты первой методики различий по этому показателю не фиксируют, а по результатам методики КИСС девушки-татарки существенно выше оценивают себя как мать. Однако этот факт противоречием является только на первый взгляд. В результатах первой методики показатель идентификации определяется содержательными характеристиками женщины, которая уже состоялась как мать, а в методике КИСС — целостным переживанием себя как соответствующей образу матери, то есть аффективным компонентом. Полагаем, что данные методики КИСС можно в определенной степени рассматривать как показатель субъективной готовности девушки быть хорошей матерью.

Подводя итоги, мы можем констатировать, что полученные результаты свидетельствуют как об особенностях представлений о женщине-матери и деловой женщине, связанных с национальной принадлежностью девушек, так и об особенностях, связанных с уровнем образования и, по-видимому, социальным статусом.

Национально обусловленные различия представлений о женщине-матери и деловой женщине отчетливо проявились в оценочном и аффективном компонентах. Девушки-татарки существенно выше оценивают степень успешности женщины-матери, и ее образ для них более привлекателен, чем для русских девушек. Русские девушки – и студентки, и работающие, более успешной считают деловую женщину, и ее образ для них более привлекателен как в сравнении с привлекательностью образа женщины-матери, так и в сравнении с привлекательностью образа деловой женщины для девушек-татарок. Наиболее ярко связанные с национальной принадлежностью различия в оценочном компоненте представлений о женщине проявились в группах студенток. Русские студентки оценивают деловую женщину и как более успешную, и не менее счастливую по сравнению

с женщиной-матерью, в то время как студентки-татарки считают, что женщина-мать более счастлива, чем деловая женщина, и так же успешна. Заметим, что в исследовании О.В. Митиной и В.Ф. Петренко связь представления о счастье с профессиональной деятельностью обнаружена у американских женщин, в то время как для россиянок более характерной оказалась установка на счастье в семье [10]. Наши результаты дают основания говорить о том, что и среди российских девушек с высоким образовательным потенциалом, в нашем случае русских по национальности, распространяется представление о возможности быть счастливой, реализуя себя в профессиональной деятельности.

Различия содержательного компонента представлений о женщине-матери оказались связанными с уровнем образования и, как представляется, социальным статусом девушек. Для девушек-студенток женщина-мать не только полноценная, имеющая семью и любящая детей, но и социально ориентирована, обеспечена, удовлетворена жизнью, имеет образование, не надеется только на себя, самореализованная. Интересен результат русских студенток: вполне патриархальное представление о материнстве: семья и защищенность (женщина-мать обеспечена и не надеется только на себя), – сосуществует у них с привлекательностью образа независимой деловой женщины, которая и успешна, и счастлива одновременно. По-видимому, такое сочетание может быть характерно для многих российских девушек, ориентированных на индивидуальный успех, но сохраняющих ценность материнства.

Тем не менее, особенности содержательного компонента представлений о деловой женщине в группе студенток-юристов в сочетании с высокими показателями привлекательности образа деловой женщины и идентификации с деловой женщиной в обеих методиках в этой же группе подтверждают уже высказанное выше предположение о том, что для многих русских девушек юношеского возраста с высоким уровнем образования самореализация и успех в профессиональной сфере, по-видимому, более привлекательны, чем счастье материнства. Однако соединение привлекательности профессиональной самореализации с отмеченным выше патриархальным представлением о материнстве может стать источником внутреннего конфликта профессионально состоявшейся женщины в более старшем возрасте, что и обнаруживается в ряде современных исследований [напр.11].

Наши результаты, таким образом, позволяют сделать общий вывод о том, что для девушек-татарок независимо от уровня образования материнство является приоритетным, с ним связывается представление и о счастье, и об успехе женщины. Русские девушки-студентки связывают счастье женщины в равной степени и с материнством, и с профессиональной самореализацией, а успех – практически только с профессиональной сферой. Можно предполагать, что задача координации материнской и профессиональной сфер самореализации будет многими русскими девушками с высшим образованием решаться в пользу последней. Заметим кстати, что, отвечая на вопросы анкеты, 76% русских девушек отметили, что не иметь ребенка в 30 лет нормально, в

то время как большинство девушек-татарок (53,5%) утверждали, что это плохо.

Работающие девушки обеих национальностей имеют между собой много общего. В целом у работающих девушек мы констатируем неблагоприятный эмоциональный фон: они не замужем, но счастье женщины в одинаковой степени связывают с материнством, хотя и оценивают степень «счаستگی» женщины-матери не так оптимистично, как студентки. Объединяющие их низкие образовательный капитал и социальный статус сглаживают, по-видимому, различия, связанные с национальной принадлежностью, и в первую очередь это проявилось в низких показателях идентификации со счастливой женщиной.

Девушки с низкими значениями показателя идентификации со счастливой женщиной были во всех группах. Предварительный анализ индивидуальных данных позволяет высказать предположение о связи этого показателя с отношением девушки к материнству, и к возможности профессиональной самореализации, и, помимо этого, с самооценкой как базовым образованием идентичности. Изучение этого вопроса открывает, по нашему мнению, возможность более глубокого понимания различных вариантов полоролевой идентичности современных женщин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина Ю.Е., Волович А.С. Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины // Вопросы психологии. 1991. №4. С.47–82.
2. Эриксон Э. Идентичность и кризис: пер. с англ./ Э. Эриксон. М.: «Прогресс», 1996. 344с.
3. Schiedel D. G., Marsia J. E. Ego identity, intimacy, sex role orientation, and gender // Development Psychology. 1985. Vol.21. No.1. P.149–160.
4. Клецина И.С. От психологии пола — к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. 2003. №3. С.61–78.
5. Котлова Т.Б., Рябова Т.Б. Библиографический обзор исследований по проблемам гендерных стереотипов // Женщина в российском обществе. 2002. №1. С.25–33.
6. Касьмова С. Традиции многодетного материнства у таджиков в контексте гендера и времени // Вестник Евразии. 2006. №4. С.63–84.
7. Валеева Е.Х. Отношение девушки к себе как к будущей матери // Стандарты и мониторинг образования. 2006. №2. С.45–54.
8. Юферева Т. И. Образы мужчин и женщин в сознании подростков // Вопросы психологии. 1985. №3. С.84–90.
9. Брагина Е.А. Сравнительный анализ представлений о материнстве незамужних девушек — работающих и выпускниц вуза: национально-этнический аспект // Вестник Ульяновского государственного педагогического университета. 2011. Вып.7. С.80–88.
10. Митина О.В., Петренко В.Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. 2000. №1. С.68–86.
11. Алешина Ю.Е., Лекторская Е.В. Ролевой конфликт работающих женщин // Вопросы психологии. 1989. №5. С. 80–88.

19-22 YEAR OLD RUSSIAN AND TATAR GIRLS CONCEPTIONS ABOUT WOMAN

© 2014

E.A. Bragina, candidate of psychological science, associate professor of the chair “Psychology”
I.A. Semenova, candidate of psychological science, associate professor of the chair “Psychology”
Ulyanovsk State Pedagogical University, Ulyanovsk (Russia)

Annotation: The article deals with the analysis of content, evaluation and affective components of conceptions about woman as a mother and woman as a professional of 19-22 years Russian and Tatar girls in connection with their ethnic origin and educational level.

Keywords: conceptions about woman as a mother and about woman as a professional; content, evaluation and affective components; ethnic differences; level of education.